

Диана ДАВТЯН

Российско-армянский (Славянский) университет

«ФРАНЦУЗСКИЙ СЛЕД» ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Э. ХЕМИНГУЭЯ

В данной статье определенным, окрашенным событиями Второй мировой войны эпизод зрелого этапа жизни классика американской литературы Эрнеста Хемингуэя рассматривается на основе малоизвестных и до сих пор не переведенных на русский язык материалов, а именно, писем, отправленных его корреспондентам с охваченного войной Континента, в частности из освобожденного после победы над фашистскими оккупантами Парижа – города, с которым писатель был связан неразрывными творческими узами.

Ключевые слова: Вторая мировая война, потерянное поколение, боевые действия, военные средства, Париж XX века, переписка Э. Хемингуэя

Американский историк словесности Джон Мейси в 1912 году отмечал: «Наша словесность лицемерна, искусственна, хрупка, слащава» (Борхес, 2001: 357). Решимость не быть «слезливым», а быть «свирепым», признавшим «литературные достоинства жестокости» (Борхес, 2001: 357) привела к взлету так называемых **hard-boiled writers**: Хемингуэя, Колдуэлла, Стейнбека, Фаррела, Джеймса Кейна. Поставив в центр своего творчества вопрос о том, каков современный смысл выражения «иметь или не иметь», иначе говоря, каким мог бы стать *modus vivendi* и жизненный ориентир индивидуума в секуляризованном мире, где происходит редемаркация веками незыблемых границ нравственных ориентиров, ситуации экстремально жестокой, и в своей жестокости противоестественной, американский писатель Хемингуэй творит свою историю романтического бунтаря-одиночки в рамках модернистской концепции, и это делает его, по мнению значительного числа литературоведов и критиков, одним из столпов не только американской, но и в целом западной литературы 20-ого века. Реплика «*une generation perdue*» («потерянное поколение»), когда-то брошенная владельцем автомастерской, отчитывавшим своего механика за то, что тот вовремя не обслужил Гертруду Стайн, была тут же подхвачена мисс Стайн и переадресована сопровождавшему ее молодому Хемингуэю: «Вот вы кто. Все вы, молодые люди, побывавшие на войне – потерянное поколение» (Хемингуэй, 2012: 24). Эта фраза, звучащая инвективой в адрес всех, кто, пройдя через горнило войны, испытал на себе все ужасы кровавой бойни, так и не смог с ними сжиться, их интегрировать в своем сознании,

может считаться эпиграфом не только к одному роману, но и ко всему творчеству писателя.

«Самое страшное на войне то, что она уничтожает прежние времена» /Hemingway, 1981, Предисловие Г. Злобина, стр. 5/. Это замечание писателя можно считать слоганом американской литературы первой половины XX века, под влиянием Хемингуэя делая «потерянность» универсальной характеристикой, в том числе и для тех, кто непосредственного участия в войне не принимал, но стал ощущать себя аутсайдером в послевоенном обществе, пытающемся цепляться за декорации довоенной эпохи с их системой традиционных ритуалов, ценностей и жестов.

Первая мировая война пришла на юные годы писателя, и, несмотря на крайне непродолжительный период его непосредственного участия в ней, юный репортер одной из канзасских газет, вернувшийся с фронта домой в форме лейтенанта, с военным крестом и серебряной медалью за доблесть – вторым по значению военным отличием – не мог спать в темноте, кошмарные сновидения и травма контуженого сознания обернулись неотъемлемой частью его существа и в дальнейшем сублимировались в рассказах писателя «На сон грядущий», «Каким вы не будете», в романах «Прощай, оружие», «Фиеста», где терзания автора стали планидой его героя и alter-ego Джейкоба Барнса.

«В конечном счете, *самый* главный герой первых двух этих крупных произведений писателя – мировая война, безжалостная, жестокая...» /Hemingway, 1981, Предисловие Г. Злобина, стр. 18/. Как замечает писатель Андре Моруа, на свою вторую – Испанскую – войну Хемингуэю хотелось отправиться, так как «он соскучился по запаху крови и этих сцен. И попытаться поверить во что-то» /Baker, 1961: 46; пер. наш – Д.Д./.

А верил Хемингуэй в то, что война в Испании непременно будет продолжена, имея в виду неминуемый разгром фашизма демократическими силами /Беляев, 1963: 64/ и предвосхищая исход Второй мировой войны, в которой уже зрелый писатель тоже примет участие, доказывая тем самым свою активную нравственную позицию и верность своим идеалам и убеждениям, готовность рисковать своей жизнью ради общего дела. Еще в 1938г. в своем письме Дэвиду Гарнету Хемингуэй утверждал, что война, по его опыту, не всегда бывает ужасной: «Когда люди, по крайней мере, знают, за что они воюют, это не так удручающе; что по-настоящему жутко, так это быть отправленным умирать на Сомме или в Пашендале: это такая бессмыслица» /Baker, 1981: 501; пер. наш – Д.Д./.

Когда на континенте была развязана Вторая мировая, Хемингуэй находился в своей усадьбе «Finca Vigía», на Кубе. Первоначально он хотел сформировать по модели организации, с которой он сотрудничал во время

Испанской войны, секретную группу для выслеживания нацистских шпионов, работающих в Гаване, а также хотел переоборудовать свой катер «Пилар», чтобы охотиться за фашистскими подводными лодками.

Ниже мы попытаемся представить основные факты и характер участия Хемингуэя в событиях Второй мировой войны, в частности – на последнем ее этапе на территории Франции, о чем находим свидетельства в его письмах этого периода, приводимых биографами писателя – К.Бейкером, К.Линном и др.

Как писал Хемингуэй Альфреду Райсу, «в 1942-1943 годах я ни разу не покидал Кубу, кроме как для того, чтобы выйти в море для выполнения самой сложной миссии, которую можно было поручить контрразведке и противолодочной бригаде... в 1944 году я был в море до тех пор, пока подводные лодки всплывали, и выходя в море каждый раз, когда о них сигнализировали в нашем районе» /Baker, 1981: 502-504; пер. наш – Д.Д./. Его третья жена Марта, журналист и военкор, писала из Лондона, уговаривая его прекратить охоту за подводными лодками, переехать в Европу, чтобы освещать то, что тревожило и занимало всех: на континенте разворачивается война доселе невиданных масштабов.

Хемингуэй отправляется в Великобританию в качестве официального корреспондента *Collier's*. В скором времени после приезда попадает в автокатастрофу и оказывается в больнице. Все еще страдая от последствий автомобильной аварии – ранения головы и боли в коленях – он рвется во Францию накануне дня высадки войск, но вынужден повременить и, преодолевая последствия травмы, освещать события, окрашенные его писательской фантазией и неповторимым авторским стилем. Если судить по его статье в газете *Collier's*, создавалось впечатление, что он сошел на берег с войсками, хотя на самом деле он вернулся на транспортный корабль после того, как военные высадились на берег, а в итоге дописал свой репортаж из номера лондонского отеля «Дорчестер». Хемингуэю нужно было еще шесть недель, чтобы полностью выздороветь, прежде чем он сможет присоединиться к войскам, сражающимся во Франции, но вскоре после восстановления и непосредственного участия в боевых действиях он снова был контужен /Lynn, 1987: 512-513/. В статье под названием «Рейс к победе», опубликованной в *Collier's* 22 июля 1944 года, Хемингуэй рассказал о своих действиях в день «Д» и о высадке на Фокс-Грин-Бич. Поскольку это была третья по счету война (после Первой мировой и гражданской войны в Испании), в которой Хемингуэй принял участие, то он был одним из самых опытных людей в зоне боевых действий, хотя формально не состоял в вооруженных силах США.

В конце концов Хемингуэй прибыл во Францию и позже рассказал читателям *Collier's* о своих переживаниях во время освобождения Парижа.

Пройдя через горнило писательского таланта, его рассказы были гораздо интереснее сухих и до пресности достоверных репортажей, публикуемых в местных газетах. «Нет слов, чтобы описать чувства, которые я испытал, когда к юго-востоку от Парижа появилась бронетанковая колонна генерала Леклерка. Я только что вернулся из района, где действовал наш патруль, где я пережил минуты смертельного страха и где нас перецеловали все подонки городка, воображившие, что, случайно оказавшись там, мы его освободили, и вдруг мне говорят, что сам генерал находится на подступах к Рамбуйе и желает нас видеть» /<https://litresp.ru/chitat/ru/X/heminguej-ernest/rasskazi-i-ocherki-raznih-let/24/>. По мере приближения дня освобождения Хемингуэй писал: «Пусть ночь знаменательная, но завтра, конечно же, будет еще более знаменательный день. Я уже предвкушал на завтра настоящий хороший бой, но меня ждало разочарование: среди ночи в отель явился один из партизан, разбудил меня и сообщил, что все немцы, какие в состоянии двигаться, уходят из Парижа. Боев завтра было не миновать, судя по заслону, который оставила германская армия. Но ничего серьезного мы не ждали, поскольку немецкие расположения были нам известны, и мы могли либо атаковать их, либо обойти, и я заверил своих партизан, что если они наберутся терпения, то при вступлении в Париж регулярные части будут впереди нас, а не позади, что, конечно, предпочтительнее» /<https://litresp.ru/chitat/ru/X/heminguej-ernest/rasskazi-i-ocherki-raznih-let/24/>.

Продолжая описывать эту сцену своим читателям, Хемингуэй, вероятно, прибегает к некоторому писательскому вымыслу, подогретому реальными фактами: «Французские бронечасты действовали превосходно. Не доходя Туссю-ле-Нобля, где, как мы знали, немцы с пулеметами прятались в копнах пшеницы, танки развернулись и прикрыли нас с обоих флангов, и нам было видно, как они катят вперед по сжатому пшеничному, полю, точно на маневрах. Немцев никто не видел до тех пор, пока они, уже после прохода танков, не стали выходить из своих укрытий с поднятыми руками» /<https://litresp.ru/chitat/ru/X/heminguej-ernest/rasskazi-i-ocherki-raznih-let/24/>. Однако первостепенной задачей для Хемингуэя было благополучно добраться до Парижа: «Для меня лично военной задачей в это время было попасть в Париж живым. Достаточно мы подставляли головы под пули. Париж вот-вот будет взят» /<https://litresp.ru/chitat/ru/X/heminguej-ernest/rasskazi-i-ocherki-raznih-let/24/>. Из Франции Хемингуэй писал Мэри Уэлш (с которой познакомился и сблизился в Лондоне) 31 июля и 1 августа 1944, подробно описывая свой опыт с пехотой, которую, по его словам, он предпочитал бронетанковым войскам из-за пыли: «Я счастлив, когда вижу тебя. Я веду войну настолько хорошо, насколько могу, и я разбираюсь в пехоте, но узнаю много нового. Я очень счастлив на фронте, но это не сопоставимо с любовью» /Baker, 1981:

559; пер. наш – Д.Д./ . Позже он поделился с ней своими мыслями о битве: «Я подошел к большому отряду, с которым должен был быть, и попросил разрешения остаться в Дивизии, пока мы сражаемся, пока не присоединимся к основному войску. Сейчас мы боремся за самое важное, и я не хочу уходить, потому что пунктуальность ничего не значит, и мне нравится доводить дело до конца» /Baker, 1981: 560; пер. наш – Д.Д./ .

После освобождения Парижа Хемингуэй поселился в отеле «Ритц». К всемирно известному писателю началось паломничество: его навещали все, кто тогда был в Париже, в том числе молодой Дж. Сэлинджер, будущий автор романа «Над пропастью во ржи», перевернувшего сознание целого поколения. Хемингуэй посетил множество из своих старых пристанищ со времен пребывания в Париже в 1920-х годах, хотя, как он писал Мэри в августе 1944 года, «все это настолько невероятно, что ты чувствуешь себя так, словно ты умер, и все это сон» /Baker, 1981: 564-565; пер. наш – Д.Д./ .

В 1956 году Хемингуэй пишет художественный рассказ «Комната с видом на сад» о событиях в парижском отеле «Ритц» во время Второй мировой войны. В рукописи из 2100 слов рассказывается о писателе по имени Роберт, которого поклонники называли «Папаша». Здесь он дает очередному автобиографическому персонажу свое известное прозвище. Эта история, впервые опубликованная в 2018 году, ранее была известна только некоторым исследователям творчества писателя /Naag, 2018: A1; пер. наш – Д.Д./ . Это - одна из пяти историй, написанных Хемингуэем о Второй мировой войне, которая, казалось, выпала из сюжетов военной тематики писателя. Своему редактору Чарльзу Скрибнеру-младшему в августе 1956 года Хемингуэй сообщает: «Я думаю, что они немного шокируют, поскольку описывают действия нерегулярных войск и сражения людей, которые на самом деле убивают друг друга «...» это, вероятно, очень скучные истории, но некоторые из них, мне кажется, очень забавны. В любом случае, вы всегда можете опубликовать их после моей смерти. У меня есть еще пять историй, которые я собираюсь написать» /Baker, 1981: 868; пер. наш – Д.Д./ .

В октябре 1944 года Хемингуэй был вызван на слушание к генеральному инспектору Третьей армии по поводу его поведения на поле сражения во время боев за Париж. Обвинения заключались в том, что он снял знак корреспондента со своей формы, взял на себя командование партизан Свободной Франции, проводивших патрулирование в этом районе, а в его комнате хранилось оружие. Обвинения в основном были выдвинуты другими журналистами, которые, возможно, завидовали славе Хемингуэя и видели в нем своего главного конкурента. Все эти недоразумения, якобы самовольно спровоцированные Хемингуэем, могли привести к нарушению положений Женевской конвенции, регулирующей поведение журналистов в зоне боевых

действий. Хемингуэю удалось опровергнуть обвинения, заявив, что он просто дал совет, когда его об этом попросил французский солдат, он снял свой китель, потому что было жарко, а оружие вынужденно хранилось в его комнате, так как не было другого места для его хранения /Lynn, 1987: 518/.

Рассказывая о судебных слушаниях, Хемингуэй положительно отозвался о генеральном инспекторе. Инцидент, спровоцированный обвинениями со стороны коллег-военкоров, в свою очередь, вызвал возмущение нейтральных держав, подписавших Женевскую конвенцию. «Было выдвинуто обвинение в том, что я командовал войсками, снимал знаки различия, защищал город, патрулировал как полковник штаба и прочая чушь», - писал Хемингуэй /Baker, 1981: 572-573; пер. наш – Д.Д./.

Он явно сказал неправду, чтобы избежать плохих последствий, а также чтобы защитить тех, кто дал добро на его самовольные действия. Хотя многие критиковали такие действия как выходящие за рамки допустимого поведения корреспондента, деятельность Хемингуэя была весьма полезной и, без сомнения, способствовала успеху военных операций, в которых он участвовал /Dearborn, 2018: 469/. Командиры использовали военные знания и опыт Хемингуэя, а также его языковые навыки и знание местности. Полковник Дэвид Брюс, который был с Хемингуэем во время его передвижения в Париж, пришел к выводу, что Хемингуэй «родился, чтобы быть лидером и, несмотря на его независимый характер, он очень дисциплинированный человек» /Reynolds, 2017: 386; пер. наш – Д.Д./.

В своей частной переписке Хемингуэй заявлял, что он действительно делал больше, чем просто давал советы, и называл французских партизан (маки) «своими» людьми. Хемингуэй рассказал о своих переживаниях «французского периода» советскому писателю Константину Симонову в письме от июня 1946 года из Finca Vigía: «Я пытался быть полезным, зная французский язык и страну и имея возможность работать с маки. Это был славный период жизни, и вам бы он понравился ... Андре Мольро пришел навестить меня и спросил, сколькими людьми я командовал. Я сказал ему, что самое большее 200-ми, а обычно от 14-ти до 60-ти» /Baker, 1981: 607; пер. наш – Д.Д./.

Еще одно свидетельство действий Хемингуэя содержится в письме к Мэри Уэлш: «Девятнадцатого [августа 1944 года] вступил в контакт с группой партизан-маки, которые подчинились моему командованию. Думаю, потому что я выглядел старым и некрасивым. Он также упоминал о своих действиях с маки в письме от сентября 1944 года, адресованном сыну Патрику: «Я был в пехотной дивизии «...» за исключением того времени, когда командовал французским маки (временно не работая корреспондентом), это было лучшее время из всех, но я не могу написать тебе об этом, расскажу при встрече» /Baker, 1981: 570; пер. наш – Д.Д./.

Подтверждением того, что Хемингуэй командовал отрядом маки, можно считать письмо генералу Р. О. Бартону, с которым писатель явно был в дружеских отношениях и обращался к нему «Табби»: «Я бесконечно благодарен тебе за то, что ты отпустил меня в тот раз, чтобы я мог отправиться дальше в Париж, чтобы у меня была возможность командовать, пусть даже нерегулярно, и сделать что-то полезное и сражаться за лучший город в мире, который я так люблю». Далее читаем: «Я не смог бы сделать ничего из того, что притягивает меня на войне, без твоей поддержки. И ты поддержал меня потом, когда мы узнали, что все эти действия были незаконными, недопустимыми на войне» /Baker, 1981: 639; пер. наш – Д.Д./.

Действительно, его работодатель из *Collier's* узнал о его неправомерных действиях во время боев за Париж и не оплатил его расходы: «Они узнали от стукачей, что я сражался. Я потратил свои собственные деньги, которые у меня были в Англии и Франции, /.../ так что война в 1944–45 мне обошлась в 12 грантов» /Baker, 1981: 640; пер. наш – Д.Д./.

За участие в боевых действиях Хемингуэй после войны был награжден Бронзовой звездой. Как он писал Альфреду Райсу в декабре 1948 года: «Я был награжден Бронзовой звездой – самым настоящим хламом, который они могли дать гражданским лицам, это была награда за различную полезную помощь, официально nepoзвoлитeльнyю из-за моего нерегулярного статуса и потому, что она нарушает требования Женевской конвенции» /Baker, 1981: 656; пер. наш – Д.Д./.

В официальном отчете о награде, которую он получил в американском посольстве в Гаване в июне 1947 года, не упоминалось о руководстве Хемингуэем военными силами, а давалась ссылка на его деятельность как военкора под огнем на передовой, призванную донести до читателей правдивую историю боевых действий /Reynolds, 2017: 167/. Бронзовая звезда - высшая награда, доступная гражданским лицам, несущим службу в вооруженных силах в районах боевых действий, но Хемингуэй хотел бы получить Крест за выдающиеся заслуги. Однако эта престижная награда была доступна только военнослужащим /Reynolds, 2017: 202; пер. наш – Д.Д./.

Хемингуэй покинул Францию 6 марта 1945 года, чтобы вернуться на Кубу через Соединенные Штаты. Вернувшись на Кубу, Хемингуэй пишет полковнику Лэнхэму, что он хочет быть в Европе с настоящими мужчинами. «Это чертовски круто быть в составе 22-го полка. Возможно, это звучит уныло, но я скучал и скучаю по полку, и я очень скучаю по тебе, Бак. Мне наплевать на писательство. Придется пережить это. Думаю, мне удастся. Ведь я преодолел все остальное» /Baker, 1981: 578; пер. наш – Д.Д./.

Он чувствовал, что время, проведенное вдали от боевых действий, когда он был в Париже, было временем расслабиться и повеселиться, потому что, хотя он и не был активным участником боевых действий, он все же подвергал себя

опасности на передовой. «Мне всегда нравилось это в Париже, потому что я знал, что всегда возвращаюсь, и поэтому старался веселиться как можно больше и никогда не испытывал чувства вины, потому что знал, откуда мы пришли и что мы делаем» /Baker, 1981: 579-580; пер. наш – Д.Д./.

Хемингуэй сожалеет, что не может по-прежнему быть с Лэнхэмом: «Я чувствую себя здесь свиньей, пока ты сражаешься «...». Удачи тебе, и если с нами что-нибудь случится, мы вместе прекрасно проведем время в аду» /Baker, 1981: 573-574; пер. наш – Д.Д./.

Позже, в том же месяце, Хемингуэй пишет полковнику Лэнхэму: «Как ты знаешь, я отдал бы все, чтобы остаться. Уехав, я поступил очень плохо, но выбора действительно не было» /Baker, 1981: 572; пер. наш – Д.Д./.

Во многом это произошло потому, что Хемингуэй все еще страдал от последствий черепно-мозговой травмы, чему в то время следовало бы уделять больше внимания и получить нормальное лечение. Несмотря на привязанность к четвертой жене, Мери Уэлш, о чем он говорит в письме Лэнхэму, вдали от боевых действий он чувствует свою ненужность, одиночество, неконтролируемые приливы депрессии: «Я просто убиваю дни и хотел бы быть солдатом, а не автором ерунды. Старое бесполезное желание» /Baker, 1981: 572; пер. наш – Д.Д./.

Во многих отношениях непосредственное участие Хемингуэя в боевых действиях во Вторую мировую войну оказалось более успешным, чем его работа в качестве журналиста. Он воспринял работу военкора как возможность оказаться в Европе, в гуще военных событий, и в конечном итоге за десять месяцев написал для *Collier's* только пять статей, они же оплатили менее половины его расходов. Хотя нет никаких сомнений в том, что Хемингуэй сыграл важную роль в военных действиях, проходящих на территории Франции, его миссия в качестве журналиста была незначительной и в итоге он не стал летописцем Второй мировой войны. Его работа с партизанами-маки, его знание французского языка и окрестностей Парижа, которые он изучал, когда жил там в 1920-х годах, принесли практическую пользу делу союзников /Baker, 1981: 655; пер. наш – Д.Д./.

Но когда призрак войны снова замаячил в Корею, в 1950 году, Хемингуэй остался в стороне. Его возраст и физическое состояние, вероятно, не позволяли ему принять участие в этой войне. В письме Адриане Иванчич от июля 1950 года он замечает: «Насчет того, пойти на войну или нет: я пойду, только если это будет моим истинным долгом. Я не пойду, чтобы слыть храбрецом или поддерживать репутацию. Я пойду, только если это действительно необходимо, чтобы я пошел сражаться. Тогда я знаю, куда я иду и с кем. Но я не желаю переживать из-за этого ни минуты, пока не придет время умирать» /Baker, 1981: 580-584; пер. наш – Д.Д./.

Роль Хемингуэя во Второй мировой войне продемонстрировала бескомпромиссное служение долгу чести истинного воина, его недюжинный талант стратега, дивергентный склад мышления, позволяющий принимать нестандартные решения в пороговой экстремальной ситуации. Его подводные патрули не сыграли какой-либо определяющей роли в военных действиях, но время, проведенное в охваченной войной Европе, в частности, в дорогой его сердцу Франции, принесло свои, пусть совсем незначительные плоды, во Второй мировой войне. Во многих отношениях его статус журналиста было для него просто прикрытием, дающим возможность принять участие в боевых действиях. Со времен гражданской войны в Испании Хемингуэй был убежденным антифашистом, и его борьба с немцами во Второй мировой войне была естественным продолжением реализации его идеологических и политических убеждений. Война ознаменовала переходный период в писательской карьере Хемингуэя. Он больше не искал славы с такой же интенсивностью, что в молодости, и больше никогда не участвовал в битвах, предпочитая домашний комфорт на Кубе и в Айдахо вдохновляющей дисгармонии сражений. Он стал зрелым писателем, получил в середине 1950-х годов Нобелевскую премию и Пулитцеровскую премию. Однако депрессия и злоупотребление алкоголем серьезно подорвали его здоровье. Несмотря на заботу четвертой жены и писательские лавры, Хемингуэй так и не свыкся с мирным временем, невидимыми, но неразрывными узами будучи связанным с военным временем, войной, лейтмотивно проходящей через всю его жизнь и определившей основные векторы его творчества, пробудившей и развившей в Хемингуэе те особые качества, которые сделали его, как утверждают некоторые литераторы и критики, величайшим писателем своего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Baker C. Ernest Hemingway selected letters, 1917-1961. New York: Charles Scribner's Sons, 1981 // URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/X/heminguej-ernest/rasskazi-i-ocherki-raznih-let/24> (Retrieved February 2021).
2. Dearborn M. Ernest Hemingway: A biography. New York: Vintage Books, 2018.
3. Lynn K. Hemingway. Cambridge: Harvard U.P., 1987.
4. Haag M. Hemingway story emerges long after war. New York Times, A1. August 3, 2018 // URL: <https://www.nytimes.com/issue/todayspaper/2018/08/03/todays-new-york-times> (дата обращения 03.02.2021)
5. Hemingway S. (ed.) Hemingway on war. New York: Scribner, 2003.
6. Hemingway E. To have and have not. М., 1981.
7. Mort T. Hemingway at war: Ernest Hemingway's adventures as a World War II correspondent. New York: Pegasus Books, 2016.

8. Reynolds M. *Writer, sailor, soldier, spy: Ernest Hemingway's secret adventures, 1935-1961*. New York: William Morrow, 2017.
9. Беляев А. Социальный американский роман 30-ых годов и буржуазная критика. М., 1963.
10. Борхес Х.Л. Собрание сочинений в 4-х томах (том 3). СПб.: Амфора, 2001.
11. Хемингуэй Э. Как мы пришли в Париж // URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/X/heminguej-ernest/rasskazi-i-ocherki-raznih-let/24> (дата обращения 18.02.2021)
12. Хемингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой. М.: АСТ, 2012.

Դ. ԴԱՎԹՅԱՆ – Երկրորդ համաշխարհային պատերազմի «ֆրանսիական հեղքը» Է.Հեմինգուեյի կյանքում և ստեղծագործություններում. – Սույն հոդվածում դիտարկվում է ամերիկյան գրականության դասական էնենտս Հեմինգուեյի կյանքի հասուն փուլի որոշակի դրվագ, որը գունավորվել է Երկրորդ համաշխարհային պատերազմի իրադարձություններով, քիչ հայտնի և մինչ այժմ ռուսերեն չթարգմանված նյութերի հիման վրա, մասնավորապես՝ պատերազմական տարածաշրջանից իր թղթակիցներից ուղարկված և ֆաշիստական զավթիչների նկատմամբ տարած հաղթանակից՝ Փարիզի ազատագրումից հետո, քաղաք, որի հետ գրողը կապված էր ստեղծագործական անքակտելի կապերով:

Բանալի բաներ. Երկրորդ համաշխարհային պատերազմ, Կործանված սերունդ, ռազմական գործողություններ, պատերազմի վարման միջոցներ, XX դարի Փարիզը, Է. Հեմինգուեյի նամակագրությունը

D. DAVTYAN – The “French Impact” of World War II in E. Hemingway’s Life and Works. – The paper considers an episode of the mature stage in the life of the American classic E. Hemingway is considered. The episode is defined and coloured by the events of World War II, it is lighted up here on the basis of little-known and still not translated into English materials, in particular, the letters sent to his correspondents from the war-torn Continent and liberated after the victory over the fascist occupants Paris, the city to which the writer was bound by inextricable creative ties.

Key words: World War II, Lost Generation, warfare, hostilities, Paris in XX century, E. Hemingway’s correspondence

Ներկայացվել է՝ 15.03.2021

Երաշխավորվել է ՀՌՀ Համաշխարհային գրականության և մշակույթի ամբիոնի կողմից

Ընդունվել է տպագրության՝ 14.04.2021